

УДК 316.33

М.Г. Соколовская

ст. преподаватель каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: lllogos@list.ru

ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО В КОНЦЕПЦИИ АРИСТОТЕЛЯ: СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМЫ

Дан анализ гендерной проблематики, представленной в трудах Аристотеля. Рассматривается ее связь с работами Платона. Определяются некоторые идеи Аристотеля, связанные с преодолением гендерного неравенства в древнегреческом обществе. Проводятся разграничительные линии между качествами мужчины и женщины. Отмечается благотворность мужского лидерства в семье по причине его большей склонности к власти. Описан и предлагаемый Аристотелем формат построения семейных отношений, связанный с распределением обязанностей между супругами. Особый интерес представляет разработанная Аристотелем концепция дружбы как основа отношений между мужем и женой. Анализируются патологии, свойственные семейным отношениям.

Введение

Среди ключевых современных социальных вызовов актуальной является проблема преодоления гендерного неравенства. Если на Европейском континенте в этой сфере достигнуты существенные успехи, то во многих государствах Азии и Африки гендерное равенство является скорее мечтой и надеждой, нежели реальностью.

Для того чтобы найти новые инструменты решения этой проблемы, целесообразно обратиться к творческому наследию Аристотеля. Известно, что в его концепции системы общественных отношений женщины занимали подчиненное положение и сфокусированы на частной, семейной жизни. Однако сам социальный организм (государство) рассматривался древнегреческим мыслителем как производное от естественного парного соединения мужского и женского начал, что, в свою очередь, предполагало достижение между ними известной гармонии. В противном случае наступает нежелательная, но неизбежная социальная деструкция.

Разумеется, подобный анализ осуществлялся Аристотелем в парадигме патриархата и маскулинности. Вместе с тем в его трудах применительно к сфере гендерных отношений обнаруживается то, что можно назвать гениальными прорывами и озарениями. Целью статьи является определение их содержания и совокупности сквозь призму возможной современной социальной адаптации. Подобный анализ осуществлен в научной литературе впервые.

Мужчина и женщина в системе социальных отношений

Существенное место в своей социальной концепции Аристотель уделил гендерной проблематике, поскольку, по его справедливому убеждению, «ненормальное положение женщин не только вносит нечто неподобающее в самый государственный строй... но до некоторой степени содействует и развитию корыстолюбия». Более того, само государство в равной степени состоит из мужчин и женщин, и «при том государственном строе, где плохо обстоит дело с положением женщин, половина государства неизбежно оказывается беззаконной» [1, с. 429–430]. А поскольку социальный проект Аристотеля нацелен в конечном счете на утверждение в государстве во всей его полноте счастья, которое является высшим благом, то очевидно, что в случае ущемления прав и достоинства женщин оно (счастье) будет, считает Аристотель, недостижимо для значительной части древнегреческого общества.

Кроме этого, как отмечает А. Лосев, формулируя отличия государства в противоположность животному миру, Аристотель «в первую очередь указывает на значение

семейно-родовых отношений, вне которых человек... просто немислим» [2, с. 397–398]. Очевидно, что семейные связи абсолютно невозможны без масштабного женского присутствия, что также актуализирует гендерную проблематику.

Какими же в идеале видятся античному мыслителю гендерные отношения в полисе? В первую очередь, с его точки зрения, эти отношения тотально «вписаны» в контекст социальных иерархий, где каждый человек согласно природе занимает свое естественное и законное место. В этих иерархиях обнаруживаются вышестоящие и нижестоящие, лучшие и худшие, управляющие и подчиненные, мужчины и женщины. Как отмечает Аристотель, общим законом природы (и общества) является то, что «душа властвует над телом, как господин, а разум властвует над нашими стремлениями – как государственный муж... Естественно и полезно для тела быть в подчинении у души, а для подверженной аффектам части души – быть в подчинении у разума и рассудочного элемента души, и, наоборот, какой получается всегда вред при равном или обратном соотношении... Также и мужчина по отношению к женщине: первый по своей природе выше, вторая – ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении» [1, с. 383]. Муж изначально выступает как существо властвующее и приказывающее, а за женой закрепляется миссия повиновения, и они ни при каких обстоятельствах не могут переменить этих социальных позиций и статусов.

Как справедливо отмечает Ф.Х. Кессиди, Аристотель «совершенно отличен от христианского гуманизма, согласно которому “все люди – братья”... и далек от равенства людей» [3, с. 36]. В семейном интерьере мужчина властвует благодаря своим высоким интеллектуальным качествам и способностью к целеполаганию, женщина же прекрасна своей способностью «исполнять полученные указания», являясь существом подвластным. И в силу того, что муж – персона властвующая и руководящая, облеченная во всякой семье «полномочиями царя», на него возлагается и миссия выстраивания отношений с женщинами. В связи с этим важным является следующее утверждение Аристотеля: «Поэтому-то метким слывет изречение Бианта: “Мужчину чин покажет”, ибо как начальник он проявляет себя в отношении к другому и во взаимоотношениях в государстве» [1, с. 147].

Очевидно, что вся гамма человеческих отношений, с точки зрения Аристотеля, пронизана властвованием и подчинением, и в этом проявляется как социальная необходимость, так и безусловная полезность для людей и социума. При этом высшая власть принадлежит Уму в космической сфере, а мужчине – в общественной и семейной. Поэтому совершенно логично и закономерно, что, «хотя эпос и драма оставили нам целый ряд возвышенных женских образом (Антигона, Электра и др.), нисколько не уступающих мужским ни по героизму, ни по душевной силе, в афинском быту женщина занимала явно подчиненное положение... Политических прав женщины не имели» [4, с. 295].

Подобное положение не означало и не предопределяло, однако, их социальной и личностной невнятности либо деградации, хотя и создавало препятствия для личностного развития. Будучи свободными существами, они обладали, пусть и ограниченными, но ресурсами влияния на мужчин и общество и внесли заметный вклад в развитие античной цивилизации.

О специфике мужских и женских добродетелей

Находящиеся на более высоких позициях в социальных иерархиях обладают, по Аристотелю, и более высокими достоинством и добродетелями, что в полной мере относится к мужчинам и женщинам. Со всей очевидностью и наглядностью это проявляется в его «Физиогномике», в которой на примере животных сравниваются женские и мужские типажи и где символом мужских достоинств выступает лев, а женских – барс. При этом «женский тип», несмотря на то, что по своим душевным качествам яв-

ляется более ласковым и мягким, чем мужской, включает в себя широкий спектр преимущественно негативных характеристик: он более коварен, труслив, поспешен в поступках, раздражителен, лукав, вороват, робок, слабодушен и др. Правда, при все своем несовершенстве женский тип в большей степени, нежели мужской, поддается процессам воспитания и «приручения», в которых, разумеется, основополагающую роль играют представители «сильной половины» человечества. Аристотель отмечает, что, в свою очередь, «самцы более храбры и прямы по природе», а их мужественный типаж – лев – заключает в себя целый ансамбль прекрасных черт: он и благороден, и щедр, и великодушен, и честолюбив, и милостив, и прям (справедлив) и «привязан к тем, с кем живет» [5, с. 337–339].

Несмотря на безусловное превосходство мужчин в сфере добродетелей, это совершенно не означает, что женщины их лишены. Просто речь идет о том, что представители отдельных социальных страт обладают теми из них, которые связаны с их природным предназначением. Поэтому, убежден Аристотель, «начальствующий должен обладать нравственной добродетелью во всей полноте... а каждый из остальных должен обладать ею настолько, насколько это соответствует его доле участия в решении общих проблем. Так что, очевидно, существует... не одна и та же скромность мужчины и женщины, и не одно и то же мужество и справедливость, как полагал Сократ, но одно мужество свойственно начальнику, другое – слуге; также и с остальными добродетелями... И, например, слова поэта о женщине: “Убором женщине молчание служит” – в одинаковой степени должны быть приложимы ко всем женщинам вообще, но к мужчине они уже не подходят» [1, с. 400]. Поэтому, к примеру, самая мужественная женщина на фоне мужчины показалась бы банальным трусом.

Однако не следует думать, что во всех ситуациях мужские добродетели превосходят женские. Например, в области управления домашним хозяйством компетенции женщины явно сильнее «мужских», что опять-таки объясняется их различными социальными миссиями: «его дело – наживать, ее – сохранять» [1, с. 452].

Различия между мужчинами и женщинами касаются не только их внутренних качеств, но и телесности, в том числе их внешней (не)привлекательности. Эти сравнения, в представлении Аристотеля, не в пользу женщин. Безусловно, в его «Физиогномике» за женщинами признаются *отдельные* внешние достоинства. Так, у них и ноги более красивые, и телесный облик может быть приятным (но не благородным), и тело гибкое. Правда, у женщин отсутствуют ключевые показатели красоты – сила и мускулистость. Но главное не в этом. Как справедливо отмечает А. Лосев, описывая прекрасное, «Аристотель имеет в виду два совершенно различных понимания красоты: с одной стороны, красоту внешних форм, чувственную, чисто материальную, темную и неосмысленную *привлекательность* вещи, например, ноги или голоса; с другой же стороны, разумную, гармоничную, созвучную миру и космосу красоту логической правильности, завершенности, высшей устроенности... которая прекрасна уже потому, что она симметрична, упорядочена, органична и величественна» [5, с. 244–245].

В первом своем (телесном) проявлении женская красота, действуя на чувства, может вызывать симпатию, в том числе, эротическую, чувство приятности. Но в плане симметричности и величественности она абсолютно уступает мужской, поскольку ей изначально присуща родовая патология: женское тело, согласно Аристотелю, является несимметричным и неблагородным.

К тому же внешнее и внутреннее существуют в своем органическом единстве. Как отмечает А. Лосев, «прекрасным может быть, по Аристотелю, только то, что высоко в моральном отношении... что доставляет бескорыстное и созерцательное удовольствие, будучи морально высоким» [5, с. 143]. А в силу того, что, как уже подчеркивалось, женщина по своей природе в нравственном отношении более чем уяз-

вима, то с неизбежностью у мужчин происходит и обесценивание ее внешних достоинств, и они, с одной стороны, становятся более восприимчивыми к гомосексуализму и «пестроте Афродиты», а с другой – любовь к женщине не выступает проявлением их высшего достоинства, как это, к примеру, происходит в христианской традиции.

Семейные роли мужчин и женщин

При скептическом отношении к женщинам как социальным существам Аристотель тем не менее рассматривает их в качестве краеугольных камней общества, поскольку без женщин совершенно немислима и невозможна семья как базовая разновидность человеческого общения, а без нее, в свою очередь, и государство. Как отмечает древнегреческий мыслитель, «правильно звучит стих Гесиода: “Дом прежде всего, и супруга, и бык-землепашец”» [1, с. 377]. В соответствии со своим предназначением семья является общением, служащим удовлетворению широкого спектра повседневных, преимущественно утилитарных и прагматичных потребностей.

Главное же социальное предназначение семьи, в представлении Аристотеля, – рождение детей и уход за ними. Учитывая важность этого фактора, в «Политике» этот процесс детально от имени законодателя прописывается, регулируется и регламентируется. Содержанию же отношений между супругами, не говоря уже о достижении между ними гармонии, в его концепции придается периферийное значение. Речь идет прежде всего о решении множества вопросов, даже самых интимных, касающихся процесса рождения детей, которые должны, по Аристотелю, находиться в компетенции государства, поскольку априори только оно четко знает, какими свойствами должны обладать люди, создающие семью, когда им и каким образом рационально включаться в процесс деторождения. Согласно Аристотелю, в первую очередь, они должны быть близки по возрасту (в древнегреческом понимании), и главной причиной этого выступает совсем не «возрастная» общность мировоззрения и мировосприятия, а физиологические факторы, то, что «их потенция должна быть одинаковой; иначе выйдет так, что муж в состоянии производить детей, жена же не в состоянии или, наоборот, жена в состоянии, а муж – нет» [1, с. 621]. При этом ни в коем случае не следует допускать ранних браков, поскольку они самым неблагоприятным образом влияют на физическое здоровье родившихся, и в тех государствах, где они получили широкое распространение, люди рождаются и вырастают физически слабыми и низкорослыми, да и рождаются преимущественно «самки», что критично опасно для любого общества. К тому же это негативно влияет на физическое и умственное развитие самих молодых родителей, не говоря уже о том, что во время таких родов многие молодые женщины испытывают сильные боли, и немалая часть из них от этого погибают. Кроме этого, с учетом фактора наследственности государству необходимо заботиться о том, чтобы физические и умственные силы вступающих в брак переживали период расцвета. По этой причине девушкам целесообразно вступать в брак в 18 лет, а мужчинам в 37 или несколько раньше.

Аристотель определяет и физиологический предел родителей, планирующих рождение ребенка, ограничивая его для мужчин 70 годами (но лучше всего в возрасте около 50 лет – порой расцвета умственных сил), а для женщин – 50 лет. Тем же, кто переступит этот возраст на 4–5 лет, настоятельно предлагается отказаться от деторождения и вступать в половую связь исключительно лишь ради здоровья, удовольствия и других подобных причин [1, с. 622]. Думая о заключении брака и будущем ребенке, создающие семью должны выбрать и наиболее подходящее время года – зиму.

Мужчина и женщина, ответственно заботясь о «потомстве», обязательно должны привести в правильное соответствие свое тело, выбирая нечто среднее между физической мощью атлетов и «слабосильным телосложением». Беременные же женщины

должны хорошо питаться и предаваться безделью, а также обязательно следовать духовным практикам – «поклоняться божествам, в чьем ведении находятся роды».

Что же касается судьбы рожденных детей, то и этот процесс, согласно Аристотелю, должен находиться под контролем законодателя. С одной стороны, в случае обнаружения детей с физическими дефектами (калек) от них с санкции законодателя следует непременно избавляться. С другой стороны, «если же у состоящих в супружеском сожитии должен родиться ребенок сверх... положенного числа, то следует прибегнуть к аборт, прежде чем у зародыша появится чувствительность» [1, с. 623–624]. Разумеется, «положенное число» определяет государство.

Содержание отношений между мужем и женой не сводится к рождению детей и заботе о них при всей значимости этой деятельности. В семейном контексте и в семейных ролях супруги выступают, по словам Аристотеля, как естественным образом попарно объединенные и взаимодополняющие друг друга существа в целях взаимного самосохранения и развития. Невозможно согласиться с болгарским исследователем К. Василевым, утверждающим, что «Аристотель в своей книге “Политика” видит в женщине лишь слабое, несовершенно человеческое создание, и хотя, не смешивает ее с рабыней, но относит к группе несовершеннолетних детей» [6, с. 69]. В действительности, ее связь с мужчиной, мужем более глубока и разносторонняя и включает не только попечение с его стороны, взаимные чувственные переживания, но и правовые отношения и др. Остановимся на содержании этой связи подробнее.

Аристотель указывает на то, что первоначальными элементами патриархальной семьи являются господин и раб, муж и жена, отец и дети, которым свойственны свои специфические и отличные друг от друга отношения: соответственно, господские, брачные и отцовские. В первую очередь, не следует смешивать состояние женщины с положением раба. По своей природе они совершенно различны и каждый из них имеет свое собственное предназначение. Раб является, по Аристотелю, только одушевленной вещью, не обладает рассудком, он не принадлежит самому себе, а только подчинен своему господину и его воле. Женщина же есть существо свободное и разумное.

Власть мужа над детьми, женой и всем домом называется Аристотелем «властью домохозяйственной», и она ориентирована на благо как всех домочадцев в целом, так и по отдельности каждой из групп. Аристотель в своих трудах неоднократно отмечает, что власть мужа над женой основывается двух факторах. С одной стороны, в ней важной является правовая сторона, и «вопрос, как следует жить мужу с женой... по-видимому, ничем не отличается от вопроса, как им жить правосудно» [1, с. 239]. С другой стороны, важными являются и моральные обязательства мужа. В «Никомаховой этике», он утверждает, что «сообщество мужа и жены представляется аристократией, т.е. властью лучших, ибо муж имеет власть сообразно достоинству и в том... что жене подобает, он ей и предоставляет» [1, с. 235]. Поэтому за мужчиной закрепляется функция не столько господства и доминирования, сколько ответственности за совместное проживание и попечение о личном и общем благе детей и жены.

При подобной установке мужа естественной добродетелью жены выступает ее способность и желание подчиняться и следовать указаниям мужа, поскольку он заботится об их общем благе. Еще в большей степени доминирование мужчины в семье позитивно по отношению к детям, так как он управляет ими как в силу своей любви, так и вследствие того, что он их старше, а значит, более сведущ и опытен.

Эти отношения в силу своей естественной близости с неизбежностью заключают в себе и некоторую гамму интимных чувств. Бросается в глаза то, что Аристотель совершенно не использует в этом контексте понятие любви, тем более романтической, ему неинтересен и платоновский Эрос. Он делает акцент на значимость дружбы между супругами, которая, как он полагает, дана им от природы и должна послужить не толь-

ко им, но и другим людям. Он отмечает, что «дружба между мужем с женой... сообразна добродетели, и лучшему принадлежит большее благо, и каждому, что ему подобает» [1, с. 236]. Дружбе между мужем и женой способствует и то, что в семейном контексте (в отличие от общесоциального) им присущи и близость, и подобие, и равенство, что невозможно по отношению к неодушевленным предметам, т.е. рабам.

Основу этой дружбы составляет не только рождение, забота и воспитание детей. Сама семейная жизнь естественным образом связана со множеством надобностей жизни, которые необходимо совместно решать и переживать мужчине и женщине. Согласно Аристотелю, «дела с самого начала распределены между супругами так, что у мужа одни дела, а у жены другие; таким образом муж и жена поддерживают друг друга, внося свою долю участия в общее дело. Этим объясняется, видимо, то, что в данной дружбе присутствует как польза, так и удовольствие. Она будет и дружбой по добродетели, если и муж, и жена – добрые люди, ведь тогда у каждого из них своя добродетель, и оба будут такому радоваться... Дети – это общее обоим благо, а общее благо объединяет» [1, с. 239].

Очевидно, что для Аристотеля в гораздо большей степени, нежели для Платона, важна личностная и социальная ценность семьи и супружества. Поэтому предлагаемая Платоном общность жен, детей и имущества для Аристотеля совершенно неприемлема, так как, по его убеждению, она наносит ущерб столь ценным для супругов их «дружелюбным отношениям», которые являются величайшим благом и для них, и для государства. Кроме этого, предлагаемая Сократом общность жен и детей делает невозможным и проявление таких добродетелей, как воздержанность и благородная щедрость. К тому же суживается и пространство ответственной любви, поскольку «люди ведь всего более заботятся о том и любят, во-первых, то, что им принадлежит, и, во-вторых, то, что им дорого» [1, с. 408]. А в ситуации общности жен и детей подобная «принадлежность» отсутствует.

О патологиях в гендерных отношениях

Аристотель в своих работах предупреждает о возможных патологиях в развитии семьи, семейных отношений, в отношениях между мужчинами и женщинами, апеллируя, как правило, к конкретным фактам из жизни полисных государств.

В его представлении, семейная жизнь – это безусловное соблюдение определенных правил. Во-первых, необходимо обязательное соблюдение супружеской верности. Позиция Аристотеля здесь принципиальна: «Что же касается посторонних связей мужа или жены, то такие связи нигде и никоим образом... не должны считаться благопристойными, пока люди являются и называются законными супругами. И если кто-нибудь будет изобличен в том, что он так поступает в течение периода деторождения, то он должен подвергнуться бесчестью в качестве кары, соответствующей его проступку» [1, с. 624].

Во-вторых, недопустимость власти жены в семье, что иногда происходит в тех ситуациях, когда жены являются богатыми наследницами и собственниками больших земельных угодий (в некоторых полисах в их распоряжении находилось около двух пятых всей земли). Соблазном для мужчин может выступать и большое приданое невесты. В этом случае, отмечает Аристотель, семья подобна олигархии, так как в ней власть дается «не по добродетели, но благодаря богатству и влиянию» [1, с. 235].

В-третьих, следует, по Аристотелю, избегать и уподобления семьи демократии, т.е. создания такого дома, где отсутствует господин и все равны, поскольку это приводит к тому, что каждый член семьи, вопреки своим обязанностям, стремится делать, что ему заблагорассудится.

В-четвертых, Аристотель указывает также на то, что многие проблемы в семьях и государствах вызваны неадекватно наглым, эмоционально несдержанным и чрезмерно вольготным поведением женщин. В качестве печального примера он апеллировал к женщинам древней Спарты, которые в то время пока мужчины находились на войне, вели своевольный образ жизни и предавались чрезмерной роскоши. Гегемония и своеобразие лакедемонских женщин дошла до такого уровня, что даже когда Ликург предпринял попытку распространить свои законы и на женщин, то в ответ они стали столь активно сопротивляться, что ему пришлось отступить, и это привело к значительным социальным потрясениям, более страшным, чем «вторжение фиванцев». К примеру, жена Сократа Ксантиппа абсолютно доминировала в семье, иногда даже применяя насилие к знаменитому мудрецу, что является выходом за пределы нормы.

В-пятых, Аристотель полагал, что недопустимой является и ситуация, когда муж стремится вопреки своей природе и призванию к тотальному господству и превосходству в доме, поскольку это унижает достоинство жены.

В-шестых, для семьи и полиса разрушительны и дурные страсти, вызванные неразумным поведением людей, что чревато и государственными потрясениями. Аристотель, например, указывает на государственные перевороты в Сиракузах по причине адюльтера и в Эпидамне из-за свадебных дел, или же на неудачное сватовство в Дельфах, что привело к внутренним политическим неурядицам. Опасна для полиса и женская наглость возлюбленных тиранов, из-за чего многие государства пришли к гибели.

Преодолеть риски подобного рода, согласно Аристотелю, можно двумя способами. Безусловно, ключевую роль здесь может (и должен) сыграть мудрый законодатель, регламентирующий семейную и общественную жизнь. Не менее значимой может быть и создание правильной системы воспитания, в том числе и женщин. Он настаивает на том, что «так как всякая семья составляет часть государства... и так как добродетели отдельных частей должны соответствовать добродетелям целого, то необходимо и воспитание детей и женщин поставить в соответствующее отношение к государственному строю... Надо также иметь достойных детей и достойных женщин» [1, с. 401].

Необходимость подобной социализации обусловлена и тем, что женщины, как уже отмечалось, эмоционально несдержанны и нестабильны, а добродетель требует концентрации и волевых усилий. Принципиально важно научить женщин властвовать с помощью разума над чувственными вожделениями, поскольку высшее благо у Аристотеля, как и у Платона, выражается не в материальных удовольствиях, а в духовном удовлетворении, вызванном осознанием осуществления человеком своего назначения.

Заключение

На основании проведенного анализа можно утверждать, что гендерная концепция Аристотеля достаточно органична и оригинальна. Несмотря на парадигму патриархальности, в его трудах содержится целый ряд важных постулатов, касающихся гармонизации отношений между мужчинами и женщинами.

Во-первых, это важность построения между ними «правильных» отношений в соответствии с присущими им от природы добродетелями и способностями.

Во-вторых, необходимость взаимного дополнения функций в семейной жизни.

В-третьих, интересны предложения Аристотеля, направленные на преодоление патологий в функционировании семейных союзов.

В-четвертых, важным является обоснование целесообразности совместной социализации мужчин и женщин.

В-пятых, оригинальной является его концепция отношений между супругами, построенная не на любви и не на эроте, а на дружбе.

В-шестых, значима критика концепции гендерных отношений Платона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / Аристотель ; под общ. ред. А. И. Доватура. – М. : Мысль, 1975–1983. – Т. 4. – 1983. – 830 с.
2. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. История тысячелетнего развития : в 2 кн. / А. В. Лосев. – М. : Искусство, 1992–1994. – Кн. 1. – 1992. – 656 с.
3. Кессиди, Ф. Х. Этические сочинения Аристотеля / Ф. Х. Кессиди // Сочинения : в 4 т. / Аристотель ; под общ. ред. А. И. Доватура. – М. : Мысль, 1975–1983. – Т. 4. – 1983. – С. 5–37.
4. Рожанский, И. Д. Античный человек / И. Д. Рожанский // О человеческом в человеке. – М. : Политиздат, 1991. – С. 282–297.
5. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1975. – 776 с.
6. Василев, К. Любовь / К. Василев. – М. : Прогресс, 1982. – 384 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 22.01.2018

Sokolovskaja M.G. Gender Inequality in Aristotle's Conception: Content and Forms

The analysis of the gender perspective presented in the writings of Aristotle is given. Its connection with the works of Plato is considered. Some ideas of Aristotle connected with overcoming gender inequality in ancient Greek society are defined. There are differentiating lines between the qualities of men and women. It is noted the beneficialness of male leadership in the family due to its greater propensity to power. The format for building family relations, proposed by Aristotle and related to the distribution of responsibilities between spouses, is described. Of particular interest is the concept of friendship developed by Aristotle as the basis of relations between husband and wife. The pathologies inherent in family relationships are analyzed.